

Ю. С. СТЕПАНОВ

УДАРЕНИЕ И МЕТАТОНΙΑ В ЛИТОВСКОМ ГЛАГОЛЕ

В современном литовском языке с его диалектами сосуществуют не только результаты различных передвижений ударения, но и сами эти движения. Целесообразно их классифицировать, например — таким образом.

1) Нормативная нормализация ударения — руководимый школой процесс, основанный на стихийных отношениях аналогии. Пример такого движения ударения — обобщение ударения причастий настоящего врем. действит. залога на окончании, независимо от ударения презенса: *šaukiąs, bėgąs, vedąs* при *pašaukia* — *pàšaukia, pabėga, pàveda*. Другой пример: в презенсе существует парадигма *pašaukiù, pašauki, pašaukia*, отражающая более старую норму, и парадигма *pàšaukiu, pàšauki, pàšaukia*, отражающая более новую норму, а также парадигма *pašaukiù, pašauki* но *pašaukia*, представляющая собой третью, по-видимому более искусственную норму.

2) Морфологическое движение между последним и непоследним слогом (допускающее разную системную трактовку: как движение между флексией и предшествующим ей слогом основы; между флексией и первым слогом основы; между конечным и первым слогом слова и т.д.), например: *seseryjė — sėseri, pasiuntinys — pàsiuntinį, vedù — pàvedu* и т.д.

3) Синтаксическое движение, возникающее при положении глагола как энклитики, после сильно ударенной частицы: *pėr-vesti, pėr-bėga, nė-turiu*.

Все эти движения были в той или иной степени использованы исследователями для систематизации и исторического объяснения фактов.

1) Явления аналогии более или менее широко привлекаются в каждой теории, и о них можно не говорить особо.

2) Морфологическое движение как в чистом виде, так и в той или иной комбинации с фонетическими движениями ударения, послужило основой следующих трех групп теорий литовской акцентуации:

а) теория де-Соссюра¹, который, рассматривая склонение имени, исходил из того, что парадигма делится „по вертикали“, с одной стороны, на несколько колонок слогов — конечные, или внешние, колонки, содержащие конечные слоги, и внутренние колонки, не содержащие конечных слогов (соответственно — колонное или маргинальное положение ударения), а с другой стороны, на колонки морфем — корневую колонку и колонку флексий; перемещение ударения влево в нескольких падежных формах (Acc. и Dat. Sg.) привело к взаимному перераспределению этих двух вертикальных членений в целом и послужило источником типично литовской подвижности ударения между флексией и корнем. Эпицентром этого явления было, по Соссюру, склонение типа *dùkteri* (теперешнее так назыв. V). Акцентуация глагола представлялась Соссюру менее ясной: в исторический период литовского он находит в презенсе одну — неподвижную парадигму, лишь с автоматическими подразделениями в соответствии с открытым им законом (законом де-Соссюра): *velkù* но *áugu*, но осторожно предполагает существование до этого периода и „не-неподвижной“ парадигмы (*non — immobile*). Кроме того, Соссюр связал ударение презенса с ударением причастия наст. врем. действ. залога, и ужé для этих, более широких парадигм, объединяющих презенс и причастие, ввел названия „подвижный тип“, если ударение причастия конечное и, следовательно, противостоит ударению презенса (*sérgmi — sergāš*, *nēša — nešāš*), и „неподвижный тип“, если ударение причастия падает на основу *šaiūkiąs*, *klūpstąs*, *trūkstąs*. Эти типы акцентуационных парадигм в глаголе не зависят от интонации корня, но зависят от морфологии основы.

Некоторые идеи де-Соссюра были развиты К. Бугой и Я. Эндзелином². К. Буга исходил из положения об исконном наличии в литовском двух неподвижных парадигм, как в имени, так и в глаголе: одной — с конечным положением ударения (окситонной), другой — с основным положением ударения (баритонной). (Однако столь же исконно существовал очаг ограниченной подвижности в согласных основах имени). Парадигма с конечным положением ударения развивается в подвижную (теперешние III и IV парадигмы имени: *kélmas*, *diēvas*), парадигма с основным положением ударения остается постоянной до позднейшего раздвоения в силу закона де-Соссюра (теперешние парадигмы I и II в имени: *vúras*, *piřštas*.) Оттягивание ударения

¹ F. de Saussure, Accentuation lituanienne, IF (Anzeiger), VI, 1896.

² К. Būga, RR III 19–84; J. Endzelin, Über den lettischen Silbenakzent, — BB XXV (1899) 259–274; J. Endzelin, Zur Betonung der litauischen Präsensstämme, — KZ LI 1–17; J. Endzelin, Zur Betonung der litauischen Verbalsubstantiva auf -imas, — IF XXXIII (1913–1914) 119.

и в имени (типы **dievās*, **katinúo > diēvas*, *kātinu*) и в глаголе (тип **nu slenkúo > nūslenku*) К. Буга считает одним и тем же явлением, причины которого ему неясны³. Ударение презенса К. Буга, как и Соссюр, связывает с ударением причастия, отмечая, однако, что для него самого (его говора) эта связь уже не живая⁴.

б) Х. Станг, В. М. Иллич-Свитыч, В. А. Дыбо⁵, в общем продолжая эту линию реконструкции, существенно изменяют лишь ее древнейший этап. Х. Станг, во-первых, отрицает предположенный К. Бугой параллелизм оттягивания ударения в имени и в глаголе, и, во-вторых, вместо двух глагольных акцентуационных парадигм — окситонной и баритонной принимает весьма сложную исконно подвижную парадигму, противопоставленную неподвижной⁶. На этом же общем основании несколько иную систему реконструкции развивает в указанных работах В. А. Дыбо, который принимает параллелизм подвижной парадигмы глагола и имени.

в) Е. Курилович развивает другую линию, также намеченную де-Соссюром. Он исходит из наличия в древнейший период глаголов с рецессивным ударением на приставке, то есть на начальной морфеме глагольной формы. После литовского „обращения интонаций“, то есть, после того как акцент стал реализоваться не в виде восходящей, а в виде нисходящей интонации, а циркумфлекс, напротив, в виде восходящей (или восходяще-падающей), ударение стало восприниматься как сдвинутое на одну морфему вправо — к концу слова, и это было системно истолковано как ударение морфы, непосредственно предшествующей корню. Морфологическим следствием этого было обратное перемещение ударения ближе к корню: *né — pa- > ne — pà-*; *pà — si- > pa — si- (pasikelia)*⁷. У Е. Куриловича вопрос впервые четко связывается с фонетическими явлениями — с моросчитающей структурой литовского слова и

³ К. Būga, RR, III 42.

⁴ К. Būga, RR III 59.

⁵ Chr. Stang, Slavonic accentuation, Oslo, 1957; Chr. Stang, Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen, Oslo—Bergen—Tromsø, 1966; В. М. Иллич-Свитыч, Именная акцентуация в балтийском и славянском, Москва, 1963; В. А. Дыбо, Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии, — ВСЯ V (1961); В. А. Дыбо, О реконструкции ударения в праславянском глаголе, — ВСЯ VI (1962) 3—27; В. А. Дыбо, Рецензия на указ. книгу Хр. Станга о славянской акцентуации, — Структурно-типологические исследования, Москва, 1962; В. А. Дыбо, Акцентология и словообразование в славянском, — Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов, Москва, 1968.

⁶ Chr. S. Stang, Vergleichende Grammatik, 450—451.

⁷ J. Kuryłowicz, Akcentuacja czasownika złożonego, — Studia linguistica in honorem Th. Lehr.-Splawiński, Warszawa, 1963, 31—37.

с метатонией. Но в трактовке конкретных фактов при этом появляется много осложнений, вызванных тем, что Е. Курилович здесь, вслед за своей более ранней статьей⁸, трактует закон Лескина и закон де-Соссюра как один закон.

3) Синтаксическое движение использовано А. Вайаном для объяснения некоторых частных фактов — перехода **ni — ariù > niariu* из первоначального состояния двойного ударения — сильного ударения на приставке и второго, более слабого ударения на окончании, с последующим умолканием последнего⁹. Гораздо шире опирается на это положение Й. Казлаускас, предполагая, как исходное положение, энклитическое положение глагольного слова после преверба (будущей приставки) и дальнейшее разложение этой системы в основном под действием закона Фортунатова — де-Соссюра¹⁰. Первоначальное ударное положение приставки Й. Казлаускас, как и Е. Курилович, хотя в деталях и иначе, чем последний, связывает с метатонией и с последующим переходом ударения на один слог ближе к корню слова: **pàsiémé > pasiémé*.

Мы привели этот довольно длинный обзор для того, чтобы подчеркнуть удивительно малое место, какое до сих пор отводилось в теории и реконструкции литовского ударения фонетическому фактору.

Цель настоящей статьи — экспериментальная: попытаться последовательно провести в этом вопросе фонетическую линию. Заведомо ясно, что такая попытка натолкнется на многие трудности. Но ведь до сих пор препятствия к фонетическому объяснению не выявлены полностью и не классифицированы, а отчасти, может быть, и кажутся преувеличенными. Не обойти их, а постараться отчетливее выявить — это и будет второй задачей данного опыта.

Естественно, что учесть фонетический фактор в данном случае — значит систематизировать те движения ударения, которые в современном литовском языке заведомо являются фонетическими. Таковыми на всей территории Литвы оказываются только сдвиги ударения „влево“. (Случай кажущегося переноса ударения вправо, например, акцентуация слова *óda* не по первой акцентной парадигме, а по III или IV, акцентуация слова *piřštas* не по II, а по IV парадигме и т.п. — именно лишь „кажущиеся“ сдвиги вправо, так как на самом деле это чисто морфологические процессы, связанные

⁸ J. Kuryłowicz, L'indépendance historique des intonations baltiques et grecques, — BSL XXXV 1 (1934) 24—25.

⁹ A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, III, Le verbe, 550.

¹⁰ J. Kazlauskas, Lietuvių kalbos istorinė gramatika, Vilnius, 1968, 65, 66.

с переосмыслением принадлежности слова к тому или иному парадигматическому типу).

Положение в диалектах в отношении оттягивания ударения в настоящее время уже довольно хорошо описано¹¹. Гораздо хуже и фонологически и фонетически изучены интонации, в особенности те, которые группируются обычно вокруг родового понятия „циркумфлекс“. Так называемая „средняя интонация“ (*vidurinė*), являющаяся, по мнению многих диалектологов, разновидностью циркумфлекса, сама скрывает гетерогенные интонации, к тому же значительно варьирующиеся, как при исконном, так и при оттянутом ударении¹². Поэтому в настоящее время можно лишь с уверенностью констатировать метатонию корня — акут переходит в циркумфлекс — под влиянием оттянутого ударения (ср. ниже зоны III и IV), но для представления этого в полной системе еще не хватает данных. Что касается самого процесса оттягивания ударения, то литовские диалекты поддаются в этом отношении градуальной классификации: начиная с говоров, непосредственно примыкающих к Каунасской зоне (*Palomenė*), они располагаются в пять зон, по карте почти по кругу, точнее по спирали, против часовой стрелки, т.е. на восток, северо-восток, север и далее северо-запад, где жемайтские диалекты могут рассматриваться как заключительная, шестая зона. Эти данные суммированы в следующей схеме (1), на которой знак скобки означает, как обычно, краткий слог, знак черты — долгий, а стрелки указывают, с какого на какой слог переносится ударение.

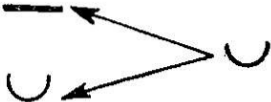
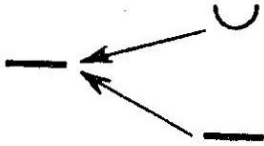
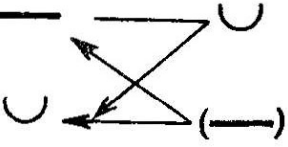
Моделирование. Моделирование здесь производится для целей дальнейшей внутренней реконструкции и связи ее с синхронным описанием, а потому и моделирование и реконструкция подчиняются общим методическим требованиям, основным из которых является требование максимальной независимости исходных параметров. Установление импликаций (например, „признак А не совместим с признаком Б“, „признак В сопровождает признак Г“ и т.д.) производится лишь на одном из следующих этапов реконструкции. Первый этап реконструкции не предполагает также какой-либо фонетической интерпретации акцентных параметров.]

Исходными разделяемыми параметрами балто-славянской (и индоевропейской) акцентологии являются следующие: 1. ударение, не зависящее от долготы и слоговой интонации; 1.1. в ударении — его место, не зависящее от

¹¹ Здесь нами используются обобщающие работы: Z. Zinkevičius, *Lietuvių dialektologija*, Vilnius, 1966, § 28—44 et passim; J. Kazlauskas, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, Vilnius, 1968, 5—36.

¹² Z. Zinkevičius, Указ. соч., 36.

Схема (1). Типы оттягивания ударения в аукштайтских диалектах
(непрерывная градуальная классификация)

№ зоны	Схема оттягивания (для двухсложных слов)	Пример	Населенные пункты
I	<p>Предпослед- Последний ний слог слог</p> <p>Под долгим зд. пони- мается только собственно долгий и <i>ie, io</i> но не: <i>ai, au, ei, ui, ar, al, at,</i> <i>an</i> и т.п.</p>	<p><i>m^šsa < mēsà</i> <i>pl^šta < plytà</i> <i>kiēmu < kiemù</i> но: <i>sausà, laukùs, tvarkà</i></p>	<p>Palomenė Pabaiskas Bagaslaviškis Gelvonai и др.</p>
II		<p><i>jaūna < jaunà</i> (при муж. роде <i>jáunas</i>) <i>šalti < šalti</i> (при <i>šáltas</i>), т.е. при оттягивании на акут возникает метатония. Имеются случаи двойно- го ударения: <i>laūkùs < laukùs</i></p>	<p>Uoginiai Debeikiai Palėvenė Troškūnai (зона двойного ударения: <i>Svédasai, Rimšė, Zarasai,</i> <i>Dusetos</i> и др.)</p>
III		<p><i>saūs < sausà</i> <i>viēn < vienà</i> <i>vis < visi</i> <i>šak < šakà</i></p>	<p>Небольшая зона: <i>Biržai, Vabalninkas</i> и др.</p>
IV		<p><i>gaĩdis < gaidỹs</i> но: <i>sakŏ < sakaiũ</i> <i>šakà < šakà</i> При оттягивании возни- кает метатония <i>gỹva < gyvà</i> (при <i>gývas</i>)</p>	<p>Только в нескольких деревнях около: <i>Šaukėnai</i> <i>Panevėžys</i></p>
V	 <p>бывший долгий</p>	<p><i>skiēdros < skiedrōs</i> <i>plātŏs < plataiũs</i></p>	<p><i>Pašvitinys</i> <i>Šeduva</i> <i>Linkuva</i> <i>Vaškai</i> и др.</p>

материальной реализации ударения (тон; динамика; долгота); 1.1.1. в месте ударения — его (места) колонность — неколонность (соотв. постоянство — подвижность); 1.1.1.1. в колонности места ударения — внутренняя — внешняя колонность (т.е., например, могут быть как окситонные слова, так и окситонные основы неокситонных слов), 2. слоговая интонация, не зависящая от долготы и ударности; 2.1. в интонации — восходящий — нисходящий характер, не зависящий от материальной реализации (от различия элементов интонации по тону, долготе или силе); 2.2 в интонации различаются также ее темп или резкость, независимые от восходящего или нисходящего характера, резкая (*rude*) — нерезкая (*douce*); 3. долгота, не зависящая от ударения и слоговой интонации; 3.1. в долготе различаются долгота гласной части слога (*tranche vocalique*) и долгота слога в целом. Частично требование независимости было осуществлено выше при синхронном описании (например, ударение понималось как независимое от слоговой интонации). Вообще же это требование в той или иной форме все более осуществляется в исследованиях последних десятилетий¹³.

Синхронное описание, относительная хронология и моделирование также могут считаться своего рода независимыми параметрами, или аспектами, внутренней реконструкции. Следует подчеркнуть, что и вопрос об акцентуационных парадигмах является независимым аспектом внутренней реконструкции, возможны убедительные реконструкции и вне вопроса об акцентных парадигмах¹⁴.

Дополнительно отметим следующие положения, лежащие в основе модели.

1) Литовский язык — и слогосчитающий и моросчитающий, в отличие от только слогосчитающих языков, каков, например, русский. Поэтому представляемая речевая цепь литовского теоретически расслаивается далее на три: а) на моры, то есть сегментную цепь, состоящую из мор, б) на слоги, то есть вторую сегментную цепь, слоговую, и в) суперсегментную цепь ударений или слоговых вершин. На схеме 2 тонкие деления символизируют цепь мор, каждая клетка равна одной море; жирные деления — слоговую

¹³ Поскольку в большинстве случаев исследователи конца прошлого и первой половины нашего века занимались сравнительно-историческим исследованием интонаций и ударения, постольку требование независимости параметров, обращенное лишь в диахронию, сводилось к принципу только независимого происхождения долгот, интонаций и ударений. Но из этого принципа исходило в своих реконструкциях большинство лингвистов: Ф. де-Соссюр, А. Лескин, А. Мейе, Е. Курилович, П. С. Кузнецов, Л. Садник и др. Менее разграничивает исходные параметры Й. Казлаускас, см. цитир. соч.

¹⁴ См. напр., А. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, III, Paris, 1966, 549 (§ 699).

цепь, — линии отмечают границы между слогами; суперсегментная цепь обозначена знаками ударений, а в нижней части схемы еще и жирными делениями.

2) Суперсегментная речевая цепь в литовском представлена ударениями. Фонетическая природа их не обсуждается. Что касается интонаций, то принимается, что акут есть восходящая интонация двухморного гласного $\cup \ /$, а циркумфлекс — нисходящая интонация двухморного гласного $\ / \cup$. Такое исходное положение стоит в связи с общепринятой реконструкцией интонаций для индоевропейского. Современная же реализация интонаций с характерным литовским „обращением“ — акут становится нисходящей, а циркумфлекс — в общем восходящей, должна быть получена как один из результатов моделирования. Иными словами, древнейшая метатония, отличающая литовские интонации от индоевропейских, должна быть получена как результат сдвига ударения влево.

3) Первоначальным для приведенных в схеме 2 типов глаголов считается ударение на 1-ой или 2-й от конца мор слова: *bėga* на 2-ой: **be-è-ga*; **gei-džià* — на 1-ой. Схема охватывает основные производные типы глаголов.

Нижняя часть схемы 2 представляет теоретическое объяснение метатонии как результата последовательно, по тактам (I-II-III), расхождения сегментной (на схеме светлой) и суперсегментной (на схеме черной) речевых цепей, причем каждая из них в отдельности остается без существенных изменений, то есть не передвигается ни клетка с ударением внутри суперсегментной речевой цепи, ни клетки с морями внутри сегментной речевой цепи (положение клеток слогов, иными словами расположение слоговых границ, должно быть предметом особого исследования).

IV.

Обсудим теперь полученные с помощью этого эксперимента результаты.

Главнейший вывод заключается в том, что фонетическое объяснение не противоречит в общем ни одной из морфологических теорий литовской акцентуации. Более того, если бы мы не имели в распоряжении более или менее надежных свидетельств в пользу того или иного морфологического движения, осуществившегося в истории литовского языка, то мы могли бы почти все их в той или иной степени объяснить только фонетически. Это значит, что сами морфологические передвижения ударения возможны лишь тогда, когда они не противоречат господствующей фонетической тенденции. Этой тенденцией для последних этапов истории литовского является тенденция сдвига ударения влево.

Схема (2). Сдвиг ударения влево и метатония в литовском глаголе (модель)

Примеры

моры

Этапы

	4 ая	3 я	2 ая	1 ая
1. <i>pa-bée-ga</i> < * <i>pa-beè-ga</i>	∪	∪	∪	∪
2. <i>pa-geĩ-džia</i> < * <i>pa-gei-džià</i> <i>pa-šaũ-kia</i> < * <i>pa-šau-kià</i>	∪	∪	∪	∪
3. * <i>pa-vė-da</i> < * <i>pa-ve-dà</i>		∪	∪	∪
4. <i>pà-ve-da</i> < * <i>pa-vė-da</i>		∪	∪	∪
5. <i>nù-s-ve-da</i> < <i>nu-sì-ve-da</i>	∪	∪	∪	∪
6. <i>pà-šau-kia</i> < <i>pa-šaũ-kia</i> <i>pasigeidžia</i> < <i>pasigeĩdžia</i>	∪	∪	∪	∪

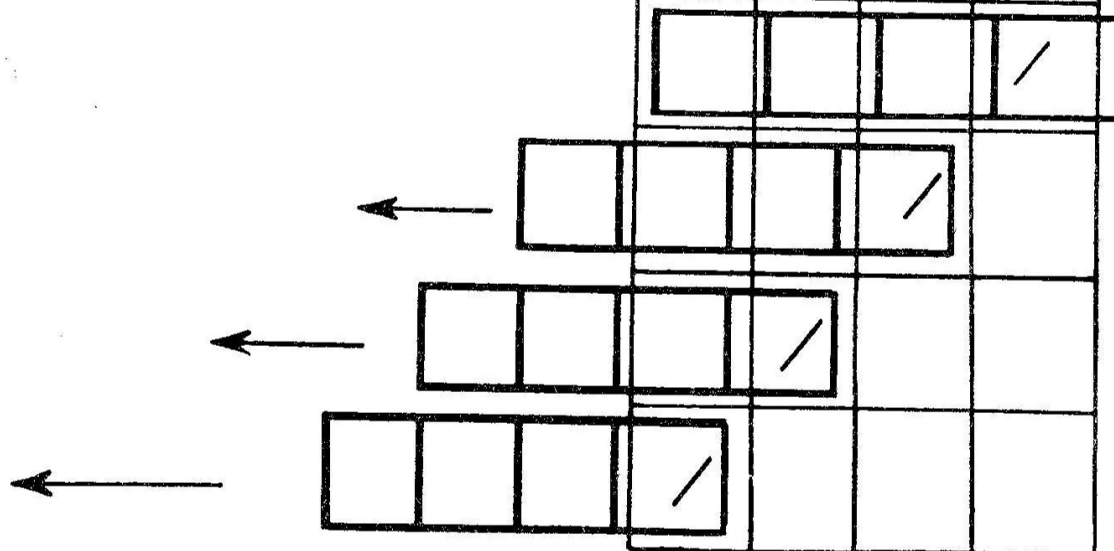
I. Сдвиг на 1 мору влево

II. Сдвиг на 2 моры влево (через промежуточный сдвиг на 1 мору)

III. Сдвиг на 3 моры влево (через промежуточный сдвиг на 2 моры)

Резюме,

до начала метатонии

I

II

III

Тем не менее имеются отдельные группы фактов, которые сопротивляются фонетическому объяснению указанного типа. Как уже было сказано, выявить и систематизировать эти факты было второй задачей. Сгруппируем эти факты следующим образом.

1) Глагольные парадигмы, группирующиеся вокруг чисто претеритального суффикса *-ē-*. Их исходное ударение убедительно моделировано Й. Казлаускасом. Первоначально глагол занимал энклитическое положение по отношению к превербу (будущей приставке), таким образом, глаголы, которые первыми начали срастаться с приставками, — а это как раз и были претеритальные формы с *-ē-*, имели первоначальное ударение на приставке. В дальнейшем эта система единого ударения расслаивается под действием закона Фортунатова — де — Соссюра¹⁵. Те формы, а именно формы презенса и претерита на *-o-*, которые моделируются по предложенной схеме, срастаются с приставками в более поздний период.

Однако и здесь, в период, предшествующий тому периоду, который реконструируется Й. Казлаускасом, можно предположить фонетическое передвижение ударения из более правого положения на приставку. Для этого нужно принять, что показатель претерита *-ē-* (или, по крайней мере, один из двух, впоследствии слившийся с показателем претерита *-ē-* другого происхождения) происходит из долгого *-ā-* с предшествующим *j*, *-ē- < -jā-*¹⁶. В таком случае эта первая группа фактов, противоречащих фонетическому объяснению, может быть, соединяется с третьей (см. здесь ниже), и количество противоречащих фактов уменьшается. Кроме того, возможно, часть парадигм претерита с *-ē-*, как и часть парадигм презенса с *-ja-*, начала продвижение ударения влево не из крайне левого положения, соответствующего окситонной парадигме, а из срединного положения, соответствующего баритонной парадигме.

2) Вторая группа фактов, противоречащих (в данном случае лишь на первый взгляд) фонетическому объяснению, — это класс глаголов с аблаутным чередованием между инфинитивом (соотв. претеритом) и презенсом: *nupīrkti* — *nūperka*, также *kiņšti*, *kiŗpti*, *kiŗsti*, *kriņsti*, *ļīsti*, *piŗšti*, *riņkti*, *siŗgti*, *sliņkti*, *tīlpti*, *vīlkti*.

¹⁵ См. Й. Казлаускас, Именные образования от приставочных глаголов в балтийских языках и их значение для реконструкции ударения глагола, — *Baltistica I* (1965); J. Kazlauskas, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, Vilnius, 1968, 49—95.

¹⁶ См. В. М. Иллич — Свитыч, Выделение типов корней с исходом на сонант..., — *ВСЯ V* (1961) 113; предполагая такое происхождение претеритального *-ē-*, Иллич — Свитыч возобновлял гипотезу А. Шлейхера.

Оттягивание ударения здесь фонетически объясняется, если мы установим общее отношение между оттягиванием ударения в диалектных зонах и на модели. На этом соответствии остановимся подробнее.

Обращает на себя внимание определенное градуальное соответствие в отношении акцента между градацией диалектных зон и этапами оттягивания ударения влево в приведенной модели, а следовательно, и в разных лексико-грамматических пластах глаголов литературного языка. Соотношение это таково, что то, что характеризует какой-либо один такой пласт в литературном языке, в соответствующей диалектной зоне характеризует всю лексику.

а) Пласт слов, указанный выше как исключения второй группы, соответствует некоторыми особенностями всей лексике диалектной зоны I. В самом деле, в словах типа *nùbrenda*, *prìrenka* и т.п. корневой элемент *en*, *em*, *er*, *el* трактуется языком не как дифтонг, то есть не как долгое сочетание двух вокалических мор, а как сочетание согласного *n*, *m*, *r*, *l* с кратким гласным. Но точно так же отсутствие оттягивания ударения в диалектной зоне I на дифтонг, в то время как оттягивание на простой долгий гласный имеет место, означает в структурном отношении (хотя вовсе не обязательно просодически), что это сочетание трактуется диалектом как сочетание консонантного элемента (*m*, *r* ..., а также *i*, *u*) с кратким гласным, а на краткий гласный ударение не оттягивается. Так же могут быть трактованы случаи *pakalbēti* — *pàkalba*.

б) Слова, соответствующие в модели I этапу сдвига влево, при котором моделируется метатония (*pašau̯kia* < **pašaukià*), соответствуют всей лексике диалектной зоны II. Это единственная диалектная зона аукштайтских говоров, в которой наблюдается отчетливая метатония: акут заменяется под сдвинутым ударением циркумфлексом, ср. ж. род *jaūna* < *jaunà* при муж. роде *jáunas*.

в) Слова, так же как в предыдущем случае, подпадающие в синхронном описании под действие правила 2, но в модели соответствуют II этапу — ударение преодолевает срединный краткостный слог и оттягивается дальше влево на краткостную приставку, не продлевая ее гласного (*pàveda*, *pràmena*), — соответствуют всей лексике диалектной зоны III, где имеет место оттягивание ударения как на долгий, так и на краткий гласный (*visì* > *vis*, *sausà* > *saūs*).

г) Наконец, слова, соответствующие в синхронном описании новейшей литературной норме (*pàšaukia* вместо более старого *pašau̯kia*), а также случаи сокращения первой предкорневой морфемы, что позволяет продвинуть ударение еще дальше влево (*nùsveda* < *nusiveda*), составляющие материал III

этапа модели, соответствуют всей лексике диалектных зон IV и V, где ударение смещается влево не только с краткого, но и с долгого слога (ср. литератур. *pāšaukia* < *pašaũkia*, и диалектное *gaĩdis* < *gaidỹs*), и при этом бывший долгий, потеряв ударение, сокращается (ср. литератур., *nũsveda* < *nusiveda* и диалектн. *plàtos* < *plataũs*).

Сам по себе принцип такого соответствия не должен удивлять, он не что иное как общий „принцип пространства-времени“ лингвистической географии и типологии: диалектные различия одного времени на разных территориях соответствуют различиям разного времени на одной территории¹⁷. Удивительно лишь столь хорошее совпадение в деталях.

3) Третья группа фактов, фонетическое объяснение которых в отношении оттягивания ударения наталкивается на трудности, это группа глаголов, прямо восходящих к атематическому спряжению, или — по косвенным данным — так или иначе связанная с атематическим спряжением: а) *pamĩžti* — *pamėlža*, *pamėlžia* — бывший атематический; б) так называемые „полутематические глаголы“ („halbthematische Verba“, по Стангу): с основой на *-i-* — *galėti* — *negāli*, *turėti* — *netũri*, ср. *gulėti* — *nėguli*, *nėturi*, и с основой на *-ā-* — *atsakỹti* — *atsāko*, *numatỹti* — *numāto*, ни те, ни другие не оттягивают ударения в презенсе на приставку. В группе „б“ это явление может быть объяснено поздним, вероятно, сложением основ презенса на *-ā-* и основ инфинитива на *-ĩt-* в парадигму¹⁸. Но кроме этой частной причины, необходимо искать и какую-то более общую.

Эту более общую причину мы видим в том, что атематические глагольные парадигмы образовывали в пралитовском (и в прабалтийском) особый акцентуационный класс парадигм, со своей собственной системой подвижности — неподвижности, аналогичный очагу первичной подвижности в именных основах на согласный (сонант) (см, выше в связи с теориями де — Соссюра и К. Буги). Это заставляет вспомнить высказанное К. Бугой положение о том, что оттягивание ударения в тематических основах имени (тип *diẽva* < **dievaĩ*) ничем не связан с оттягиванием ударения в винит. падеже основ на согласный¹⁹. Зато оттягивание в тематических основах глагола и имени образует полный параллелизм.

¹⁷ См. Вопросы теории лингвистической географии, под ред. Р. И. Иванесова, Москва, 1962, 11; Ю. Н. Караулов, Языковое время и языковое пространство (о понятии хроногlossы), — Вестник МГУ. Серия филологии, I, 1970.

¹⁸ В прусском инфинитивы на *-ĩt* и презенсы на *-ā* в парадигму не объединяются. См. W. P. Schmid, Studien zum baltischen und indogermanischen Verbum, Wiesbaden, 1963, 5.

¹⁹ К. Вūga, RR III 43.

4) Что касается претеритов на $-\bar{a}$ -, то они не составляют противоречия намеченной схеме, так как долгое $-\bar{a}$ - может быть для начального этапа сдвига влево представлено как двойное краткое $-a-$ ($-\ddot{a}\ddot{a}$ -) с ударением на последнем. Первый этап сдвига переводит ударение на первое $-\ddot{a}$ -, но оставляет ударение в пределах окончания, обращая его интонацию из акутовой в циркумфлексную. Условное раздвоение $-\bar{a}$ - (современ. $-o-$) на $-\ddot{a}\ddot{a}$ - хорошо отвечает в целом системе литовского спряжения, так как ключевой суффикс $-\ddot{a}$ - оказывается при этом показателем претерита во всей парадигме. Ср.:

презенс	претерит
<i>dirb-u</i>	* <i>dirb-a-u</i> > <i>dirb-au</i>
<i>dirb-i</i>	* <i>dirb-a-i</i> > <i>dirb-ai</i>
<i>dirb-a</i>	* <i>dirb-a-a</i> > <i>dirb-o</i>

V.

В заключение остановимся на некоторых вопросах относительной хронологии.

В наиболее полной из новейших работ — сравнительной грамматике Х. Станга, относительной хронологии акцентуации и метатонии уделяется мало внимания. Автор описывает и реконструирует, главным образом, парадигматические отношения в определенных лексико-грамматических группах слов²⁰. Цель же данной реконструкции заключалась в том, чтобы вписать сами акцентные парадигматические отношения — не рассматривая их изнутри — в более широкий круг процессов передвижений ударения. Поэтому в центре и модели, и реконструкции, оказываются здесь не парные метатонические оппозиции типа *áugti* : *aũkštas*, а „общая метатония“, заключающаяся в обратной, по сравнению с предполагаемой индоевропейской, реализацией акута как нисходящего, а циркумфлекса как восходящего или восходяще-падающего.

Что касается этапов относительной хронологии оттягивания ударения, то они в общем должны совпадать с этапами на модели и с положением в диалектах (см. схемы 1, 2).

1) Начальный этап совпадает с сокращением конечных акутовых слогов по закону Лескина:

* <i>šaukiuó</i>	>	<i>šaukiù</i>
* <i>šaukié</i>	>	<i>šaukiì</i>
* <i>šaukiá</i>	>	* <i>šaukià</i>

²⁰ Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik, 144–169.

2) Дальнейший сдвиг ударения влево. Ударение форм типа **šaukià* переходит слоговую границу и на корневом слоге развивает новый циркумфлекс, реализуемый теперь, в отличие от старого циркумфлекса, как восходящая интонация. Акут на этом и на следующем этапах в результате оттягивания ударения не отпускает ударения, но преобразуется в нисходящую интонацию вследствие перемещения слоговой вершины в пределах слога. Акутовые окончания, не допускающие сокращения, преобразуются в циркумфлексные *-*ai̯, *-ai̯, *-ó > -ai̯, -ai̯, *-õ*. Так же **tié > *tié > tiẽ* (аналогично в других местоимениях).

3) Дальнейший сдвиг ударения влево (этап II на модели). Период сложения морфологических и акцентных парадигм, возможно с внутренней градацией по времени образования: сначала формы типа презенс *nùperka* — претерит *nupir̃ko* (гетерогенные парадигмы); затем гомогенные с краткостным корнем *pàveda* против *věda*, *pàtiki* против *tiki*, — эпицентр новой акцентной подвижности в глаголе. Позднее всего складываются, по-видимому, парадигмы типа *numatýti — numāto — numatė*.

4) Дальнейший сдвиг ударения влево, продолжающийся и в наши дни во всех диалектах. При этом, в отличие от точки зрения диалектологических описаний (напр., З. Зинкявичуса), мы, в соответствии с проведенным моделированием, строго различаем:

а) фонетическое оттягивание ударения, не составляющее специфической черты глагольной и именной систем, — в тех диалектах, которые вообще развивают оттягивание ударения, например, *apsisuku > àpsisuku* (Шакина);

б) фонетическое, соответствующее последнему этапу модели, продвижение ударения в глаголе влево в диалектах, не знающих общего фонетического оттягивания, — в западных аукштайтских, района Каунаса: ср. *išsiuñčia > išsiuncčia*, *pažiūri > pàžiūri*, *priglaũdžia > priglaudžia*, *pageĩdžia > pasi-geidžia*, чем и объясняется отмеченное в начале статьи сосуществование разных литературных норм; процесс начинает даже захватывать акутовые корни в презенсе (хотя и редко), напр., *nedirba > nèdirba*, *numiršta > nùmiršta* (зап. аукшт., Зетяла);

в) морфологическое передвижение между последним и первым слогом многосложного слова, являющееся дальнейшим развитием морфологической подвижности между последним и первым слогом двух — и трех-сложных слов, напр., *nebegaliù : nèbegaliu* (зап. аукшт., Шяуляй, Шакина).

В силу картины „общей метатонии“ и отсутствия в литовском нового акута и нового циркумфлекса, можно с большой степенью уверенности предположить, что новые интонации, возникшие в силу общей метатонии влево,

дали в литовском иное отражение, своеобразный литовский аналог „правила Мейе“ для славянского; на этом пути можно надеяться объяснить темные случаи глагольной метатонии (*beĩti* при *gėrti*; *kálti* при ожидаемом **kaĩti* и т.п.).

В разных местах глагольной системы довольно отчетливо прослеживаются разнотипные отношения открытых-закрытых слогов, заставляющие предполагать, может быть, краткую, „эпоху слога“, аналогичную перелому в конце эпохи открытых слогов в славянских. Напр., инфинитив с акутовым корнем и всегда такой позицией корня, при которой дифтонг может существовать (перед смычным согласным), соотносится с претеритом, где дифтонг существовать не может, по принципу слоговой компенсации: *gėrti* — *gėrė*, *kėlti* — *kėlė* и др. „претериты с продленной ступенью“; между тем, презенсы соотносятся с инфинитивом без слоговой компенсации *gėrti* — *gėria*, т.е. дифтонг инфинитива в отношении презенса трактуется как сочетание гласного с простым согласным²¹. Поскольку, как было отмечено выше, именно такова трактовка корня в *nũperka*, *àpvelka* и т.п., то следует предположить, что эти формы были соотнесены в течение одного периода и образуют один хронологический пласт, и таким образом, открывается возможность на основании чисто акцентных данных реконструировать некоторые фрагменты относительной хронологии и в морфологических парадигмах.

²¹ Ср. J. Kazlauskas, *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, 353.